

Сказка Г.Х. Андерсена " Оле-Лукойе "

Никто на свете не знает столько историй, сколько Оле–Лукойе. Вот мастер рассказывать–то!
Вечером, когда дети смиренно сидят за столом или на своих скамеечках, является Оле–Лукойе. В одних чулках он подымается тихонько по лестнице, потом осторожно приотворит дверь, неслышно шагнет в комнату и слегка прыснет детям в глаза сладким молоком. Веки у детей начинают слипаться, и они уже не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылок. Подует – и головки у них сейчас отяжелеют. Это совсем не больно – у Оле–Лукойе нет ведь злого умысла; он хочет только, чтобы дети уgomонились, а для этого их непременно надо уложить в постель! Ну вот он и уложит их, а потом уж начинает рассказывать истории.
Когда дети заснут, Оле–Лукойе присаживается к ним на постель. Одет он чудесно: на нем шелковый кафтан, только нельзя сказать, какого цвета, – он отливает то голубым, то зеленым, то красным, смотря по тому, в какую сторону повернется Оле. Под мышками у него по зонтику: один с картинками – его он раскрывает над хорошими детьми, и тогда им всю ночь снятся волшебные сказки, другой совсем простой, гладкий, – его он раскрывает над нехорошими детьми: ну, они и спят всю ночь как убитые, и поутру оказывается, что они ровно ничего не видали во сне!
Послушаем же о том, как Оле–Лукойе навещал каждый вечер одного мальчика, Яльмара, и рассказывал ему истории! Это будет целых семь историй: в неделе ведь семь дней.

Понедельник

– Ну вот, – сказал Оле–Лукойе, уложив Яльмара в постель, – теперь украсим комнату!
И в один миг все комнатные цветы превратились в большие деревья, которые тянули свои длинные ветви вдоль стен к самому потолку, а вся комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев были усеяны цветами; каждый цветок по красоте и запаху был лучше розы, а вкусом (если бы только вы захотели его попробовать) слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. Еще на деревьях были пышки, которые чуть не лопались от изумной начинки. Просто чудо что такое!
Вдруг в ящике стола, где лежали учебные принадлежности Яльмара, поднялись ужасные стоны.
– Что там такое? – сказал Оле–Лукойе, пошел и выдвинул ящик.
Оказывается, это рвала и метала аспидная доска: в решение написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все вычисления готовы были рассыпаться; грифель скакал и прыгал на своей веревочке, точно собачка: он очень хотел помочь делу, да не мог. Громко стонала и тетрадь Яльмара, слушать ее было просто ужасно! На каждой странице стояли большие буквы, а с ними рядом маленькие, и так целым столбцом одна под другой – это была пропись; сбоку же шли другие, воображавшие, что держатся так же твердо. Их писал Яльмар, и они, казалось, спотыкались об линейки, на которых должны были стоять.
– Вот как надо держаться! – говорила пропись. – Вот так, с легким наклоном вправо!
– Ах, мы бы и рады, – отвечали буквы Яльмара, – да не можем! Мы такие плохонькие!
– Так вас надо немного подтянуть! – сказал Оле–Лукойе.
– Ой, нет! – закричали они и выпрямились так, что любо было глядеть.
– Ну, теперь нам не до историй! – сказал Оле–Лукойе. – Будем–ка упражняться! Раз–два! Раз–два!
И он довел все буквы Яльмара так, что они стояли уже ровно и бодро, как твоя пропись. Но утром, когда Оле–Лукойе ушел и Яльмар проснулся, они выглядели такими же жалкими, как прежде.

Вторник

Как только Яльмар улегся, Оле–Лукойе дотронулся своею волшебной брызгалкой до мебели, и все вещи сейчас же начали болтать, и болтали они о себе все, кроме плевательницы; эта молчала и сердилась про себя на их тщеславие: говорят только о себе да о себе и даже не подумают о той, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!
Над комодом висела большая картина в золоченой раме; на ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегавшая мимо дворцов за лес, в далекое море.
Оле–Лукойе дотронулся волшебной брызгалкой до картины, и нарисованные на ней птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака понеслись по небу; видно было даже, как скользила по земле их тень.
Затем Оле приподнял Яльмара к раме, и мальчик стал ногами прямо в высокую траву. Солнышко светило на него сквозь ветви деревьев, он побежал к воде и уселся в лодочку, которая колыхалась у берега. Лодочка была выкрашена в красное с белым, паруса блестели, как серебряные, и шесть лебедей с золотыми коронами на шеях и сияющими голубыми звездами на головах повлекли лодочку вдоль зеленых лесов, где деревья рассказывали о разбойниках и ведьмах, а цветы – о прелестных маленьких эльфах и о том, что они слышали от бабочек.
Чудеснейшие рыбы с серебристою и золотистою чешуей плыли за лодкой, ныряли и плескали в воде хвостами; красные и голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами; комары танцевали, а майские жуки гудели:
"Жуу! Жуу!"; всем хотелось провожать Яльмара, и у каждого была для него наготове история.
Да, вот это было плавание!
Леса то густели и темнели, то становились похожими на прекрасные сады, озаренные солнцем и усеянные цветами. По берегам реки возвышались большие хрустальные и мраморные дворцы; на балконах их стояли принцессы, и всё это были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл.
Каждая держала в правой руке славного обсахаренного пряничного поросенка – такого редко купишь у торговки. Яльмар, проплывая мимо, хватался за один конец пряника, принцесса крепко держалась за другой, и пряник разламывался пополам; каждый получал свою долю: Яльмар – побольше, принцесса – поменьше. У всех дворцов стояли на часах маленькие принцы; они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его изюмом и оловянными солдатиками, – вот что значит настоящие–то принцы!
Яльмар плыл через леса, через какие–то огромные залы и города... Проплыл он и через город, где жила его старая няня, которая носила его на руках, когда он был еще малюткой, и очень любила своего питомца. И вот он увидел ее: она кланялась, посылала ему рукою воздушные поцелуи и пела хорошенькую песенку, которую сама сложила и – прислала Яльмару:

– Мой Яльмар, тебя вспоминаю
Почти каждый день, каждый час!
Сказать не могу, как желаю
Тебя увидеть вновь хоть раз!
Тебя ведь я в люльке качала,
Учила ходить, говорить
И в щечки и в лоб целовала.
Так как мне тебя не любить!

И птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали, как будто Оле–Лукойе и им рассказывал историю.

Среда

Ну и дождь лил! Яльмар слышал этот страшный шум даже во сне; когда же Оле–Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стоит вровень с подоконником. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепнейший корабль.
– Хочешь прогуляться, Яльмар? – спросил Оле. – Побываешь ночью в чужих землях, а к утру – опять дома!
И вот Яльмар, разодетый по–праздничному, очутился на корабле. Погода сейчас же прояснилась; они проплыли по улицам, мимо церкви, и оказались среди сплошного огромного озера. Наконец они уплыли так далеко, что земля совсем скрылась из глаз. По поднебесью неслась стая аистов; они тоже собрались в чужие теплые края и летели длинною вереницей, один за другим. Они были в пути

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

уже много–много дней, и один из них так устал, что крылья отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться на своих распушенных крыльях все ниже и ниже, вот взмахнул ими раз, другой, но напрасно... Скоро он задел за мачту корабля. скользнул по снастям и – бах! – упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник к курам, уткам и индейкам. Бедняга аист стоял и уныло озирался кругом.

– Ишь какой! – сказали куры.

А индейский петух надулся и спросил у аиста, кто он таков; утки же пятились, подталкивая друг друга крыльями, и кричали: "Дур–рак! Дур–рак!"

Аист рассказал им про жаркую Африку, про пирамиды и страусов, которые носятся по пустыне с быстротой диких лошадей, но утки ничего не поняли и опять стали подталкивать одна другую:

– Ну не дурак ли?

– Конечно, дурак! – сказал индейский петух и сердито забормотал.

Аист замолчал и стал думать о своей Африке.

– Какие у вас чудесные тонкие ноги! – сказал индейский петух. – Почем аршин?

– Кряк! Кряк! Кряк! – закричали смешливые утки, но аист как будто и не слышал.

– Могли бы и вы посмеяться с нами! – сказал аисту индейский петух. – Очень забавно было сказано! Да куда там, для него это слишком низменно! И вообще нельзя сказать, чтобы он отличался понятливостью. Что ж, будем забавлять себя сами!

И куры кудахтали, утки кричали, и это их ужасно забавляло.

Но Яльмар подошел к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу – он уже успел отдохнуть. Аист как будто поклонился Яльмару в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в теплые края. Куры кудахтали, утки закричали, а индейский петух так надулся, что гребешок у него весь налился кровью.

– Завтра из вас сварят суп! – сказал Яльмар и проснулся опять в своей маленькой кровати.

Славное путешествие проделали они ночью с Оле–Лукойе!

Четверг

– Знаешь что? – сказал Оле–Лукойе. – Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! – И правда, в руке у него была хорошенькая мышка. – Она явилась пригласить тебя на свадьбу! Две мышки собираются сегодня ночью вступить в брак. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, говорят!

– А как же я пролезу сквозь маленькую дырочку в полу? – спросил Яльмар.

– Уж ложись на меня! – сказал Оле–Лукойе. Он дотронулся до мальчика своею волшебной брызгалкой, и Яльмар вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и наконец сделался величиною с палец.

– Теперь можно одолжить мундир у оловянного солдатика. По–моему, такой наряд тебе вполне подойдет: мундир ведь так красит, а ты идешь в гости!

– Хорошо! – согласился Яльмар, переоделся и стал похож на образцового оловянного солдатика.

– Не угодно ли вам сесть в наперсток вашей матушки? – сказала Яльмару мышка. – Я буду иметь честь отвезти вас.

– Ах, какое беспокойство для фрекен! – сказал Яльмар, и они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дыру, прогрызенную мышами в полу, они попали сначала в длинный узкий коридор, здесь как раз только и можно было проехать в наперстке. Коридор был ярко освещен гнилушками.

– Правда ведь, чудный запах? – спросила мышка–возница. – Весь коридор смазан салом! Что может быть лучше?

Наконец добрались и до зала, где праздновалась свадьба. Направо, перешептываясь и пересмеиваясь, стояли мышки–дамы, налево, покручивая лапками усы, – мышки–кавалеры, а посередине, на выеденной корке сыра, возвышались сами жених с невестой и целовались на глазах у всех. Что ж, они ведь были обручены и готовились вступить в брак.

А гости все прибывали да прибывали; мыши чуть не давили друг друга насмерть, и вот счастливую парочку оттеснили к самым дверям, так что никому больше нельзя было ни войти, ни выйти. Зал, как и коридор, был весь смазан салом, другого угощения и не было; а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, то есть, конечно, всего–навсего первые буквы. Диво, да и только!

Все мыши объявили, что свадьба была великолепна и что они очень приятно провели время.

Яльмар поехал домой. Довелось ему побывать в знатном обществе, хоть и пришлось порядком съежиться и облечься в мундир оловянного солдатика.

Пятница

Просто не верится, сколько есть пожилых людей, которым страх как хочется залучить меня к себе! – сказал Оле–Лукойе. – Особенно желают этого те, кто сделал что–нибудь дурное. "Добренький, миленький Оле, – говорят они мне, – мы просто не можем сомкнуть глаз, лежим без сна всю ночь напролет и видим вокруг себя все свои дурные дела. Они, точно гадкие маленькие тролли, сидят по краям постели и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришел и прогнал их. Мы бы с удовольствием заплатили тебе, Оле! – добавляют они с глубоким вздохом. – Спокойной же ночи, Оле! Деньги на окне!" Да что мне деньги! Я ни к кому не прихожу за деньги!

– А что мы будем делать сегодня ночью? – спросил Яльмар.

– Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одета мальчиком и зовется Германом, хочет повенчаться с куклой Бертой; а еще сегодня день рождения куклы, и потому готовится много подарков!

– Знаю, знаю! – сказал Яльмар. – Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас празднует их рождение или свадьбу. Это уж: было сто раз!

– Да, а сегодня ночью будет сто первый, и, значит, последний! Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни–ка!

Яльмар взглянул на стол. Там стоял домик из картона: окна были освещены, и все оловянные солдатики держали ружья на караул. Жених с невестой задумчиво сидели на полу, прислонившись к ножке стола: да, им было о чем задуматься! Оле–Лукойе, нарядившись в бабушкину черную юбку, обвенчал их.

Затем молодые получили подарки, но от угощения отказались: они были сыты своей любовью.

– Что ж, поедем теперь на дачу или отправимся за границу? – спросил молодой.

На совет пригласили опытную путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз была насадкой. Ласточка рассказала о теплых краях, где зреют сочные, тяжелые кисти винограда, где воздух так мягок, а горы расцвечены такими красками, о каких здесь и понятия не имеют.

– Зато там нет нашей кудрявой капусты! – сказала курица. – Раз я со всеми своими цыплятами провела лето в деревне; там была целая куча песку, в котором мы могли рыться и копаться сколько угодно! А еще нам был открыт вход в огород с капустой! Ах, какая она была зеленая! Не знаю. что может быть красивее!

– Да ведь кочаны похожи как две капли воды! – сказала ласточка. – К тому же здесь так часто бывает дурная погода.

– Ну, к этому можно привыкнуть! – сказала курица.

– А какой тут холод! Того и гляди, замерзнешь! Ужасно холодно!

– То–то и хорошо для капусты! – сказала курица. – Да, в конце–то концов, и у нас бывает тепло! Ведь четыре года тому назад лето стояло у нас целых пять недель! Да какая жарница–то была! Все задыхались! Кстати сказать, у нас нет ядовитых тварей, как у вас там! Нет и разбойников! Надо быть отщепенцем, чтобы не находить нашу страну самой лучшей в мире! Такой недостоин и жить в ней! – Тут курица заплакала. – Я ведь тоже путешествовала, как же! Целых двенадцать миль проехала в бочонке! И никакого удовольствия нет в путешествии!

– Да, курица – особа вполне достойная! – сказала кукла Берта. – Мне тоже вовсе не нравится ездить по горам – то вверх, то вниз! Нет, мы переедем на дачу в деревню, где есть песочная куча, и будем гулять в огороде с капустой.

На том и порешили.

Суббота

– А сегодня будешь рассказывать? – спросил Яльмар, как только Оле–Лукойе уложил его в постель.

– Сегодня некогда! – ответил Оле и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. – Погляди–ка вот на этих китайцев!

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головами.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! – продолжал Оле. – Завтра ведь праздник, воскресенье! Мне надо пойти на колокольню – посмотреть, вычистили ли церковные карлики все колокола, не то они плохо будут звонить завтра; потом надо в поле – посмотреть, смел ли ветер пыль с травы и листьев. Самая же трудная работа еще впереди: надо снять с неба и перечистить все звезды. Я собираю их в свой передник, но приходится ведь нумеровать каждую звезду и каждую дырочку, где она сидела, чтобы потом каждую поставить на свое место, иначе они не будут держаться и посыплются с неба одна за другой!

– Послушайте–ка вы, господин Оле–Лукойе! – сказал вдруг висевший на стене старый портрет. – Я прадедушка Яльмара и очень вам признателен за то, что вы рассказываете мальчику сказки; но вы не должны извращать его понятий. Звезды нельзя снимать с неба и чистить. Звезды – такие же небесные тела, как наша Земля, тем–то они и хороши!

– Спасибо тебе, прадедушка! – отвечал Оле–Лукойе. – Спасибо! Ты – глава фамилии, родоначальник, но я все–таки постарше тебя! Я старый язычник; римляне и греки звали меня богом сновидений! Я имел и имею вход в знатнейшие дома и знаю, как обходиться и с большими и с малыми. Можешь теперь рассказывать сам!

И Оле–Лукойе ушел, взяв под мышку свой зонтик.

– Ну, уж нельзя и высказать своего мнения! – сказал старый портрет. Тут Яльмар проснулся.

Воскресенье

– Добрый вечер! – сказал Оле–Лукойе. Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул прадедушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор.

– А теперь ты расскажи мне историю про пять зеленых горошин, родившихся в одном стручке, про петушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу, что воображала себя швейной иголкой.

– Ну нет, хорошенького понемножку! – сказал Оле–Лукойе. – Я лучше покажу тебе кое–что. Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле–Лукойе. Но он знает только две сказки: одна бесподобно хороша, а другая так ужасна, что... да нет, невозможно даже и сказать как!

Тут Оле–Лукойе приподнял Яльмара, поднес его к окну и сказал:

– Сейчас ты увидишь моего брата, другого Оле–Лукойе. Кафтан на нем весь расшит серебром, что твой гусарский мундир; за плечами развевается черный бархатный плащ! Гляди, как он скачет!

И Яльмар увидел, как мчался во весь опор другой Оле–Лукойе и сажал к себе на лошадь и старых и малых. Одних он сажал перед собою, других позади; но сначала каждого спрашивал:

– Какие у тебя отметки за поведение?

– Хорошие! – отвечали все.

– Покажи–ка! – говорил он.

Приходилось показывать; и вот тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им чудесную сказку, а тех, у кого были посредственные или плохие, – позади себя, и эти должны были слушать страшную сказку. Они тряслись от страха, плакали и хотели спрыгнуть с лошади, да не могли – они сразу крепко прирастали к седлу.

– А я ничуть не боюсь его! – сказал Яльмар.

– Да и нечего бояться! – сказал Оле. – Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки!

– Вот это поучительно! – пробормотал прадедушкин портрет. – Все–таки, значит, не мешает иногда высказать свое мнение.

Он был очень доволен.

Вот и вся история об Оле–Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе еще что–нибудь.

Другие сказки Андерсена